

форма личного местоимения). А Лохвицкая, Вилькина, Герцык, Дмитриева и некоторые другие поэтессы экспериментируют с ультрафемининным способом поэтического высказывания.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100 «Конструирование феминности в литературе и культуре русского модернизма») в ИМЛИ РАН.

Список источников и литературы

1. Анненский И. О современном лиризме // Критика русского символизма: в 2 т. Т. II. М.: Олимп; АСТ, 2002. С. 267–369.
2. Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб: Издание М.В. Пирожкова, 1907. С. 156 – 192.
3. Волошин М. Женская поэзия // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 1. М.: Эллис Лак, 2007. С. 319–322.
4. Лавров А.В. З.Н. Гиппиус и ее поэтический дневник // Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 5–59.
5. Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. М.: НЛЮ, 2011.
6. Lanser S.S. Fictions of Authority: Women Writers and Narrative Voice. L.: Cornell University Press, 1992.
7. Presto J.M. Women in Russian Symbolism: Beyond the Algebra of Love // History of Women's Writing of Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 134–152.
8. Presto J.M. Zinaida Gippius and the Fashioning of Gender. Madison: University of Wisconsin, 1996.

В.Б. Зусева-Озкан

Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Амазонки в романе М.А. Кузмина «Подвиги Великого Александра»: историческая память vs авторская мизогиния

В докладе рассматривается конструирование М.А. Кузминым образа амазонок в романе «Подвиги Великого Александра» (1908, перв. публ. 1909).

Этот роман потребовал от Кузмина огромной подготовительной работы и обильного чтения исторических, художественных текстов (так наз. александрий, ведущих свое начало от эллинистического романа об Александре Псевдо-Каллисфена), научной литературы: в рабочей тетради Кузмина этого времени зафиксировано множество материалов, в том числе фундаментальные исследования В.М. Истрина, А.Н. Веселовского и А.Я. Гаркави об Александре Македонском [3, с. 603].

Как показывает сопоставительный анализ романа Кузмина с претекстами (литературными, в частности с романом Псевдо-Каллисфена, и историческими – историями Александра, написанными Квинтом Курцием Руфом и Диодором), его соотношение с ними таково, что можно говорить о следовании основной событийной схеме при значительном смещении смысловых акцентов. Если у Псевдо-Каллисфена амазонкам дается весьма положительная характеристика [6, с. 245–249], то Кузмин, напротив, не жалеет красок для создания самого неприглядного образа: «... пришла сотня высоких мужеподобных женщин, с выжженными правыми грудями, короткими волосами, в мужской обуви и вооруженных пиками, стрелами и пращами. Говорили они грубыми, хриплыми голосами и пахли козлиным потом» [4, с. 200].

Хотя некоторые элементы соответствуют тексту-источнику («высокие») и другим повествованиям об амазонках («с выжженными правыми грудями»), Кузмин добавляет отсутствующие в них детали, призванные вызвать отвращение читателя и показать этих женщин как «ухудшенный», «сниженный» вариант мужчины: «мужеподобие», короткие волосы, «грубые, хриплые голоса» и, конечно, запах «козлиного пота». Даже если предположить, что именно этот эпизод Кузмин излагает не по Псевдо-Каллисфену, нам неизвестны такие трактовки истории Александра, в которых амазонки были бы представлены подобным образом. Напротив, в других вариантах истории Александра встречается более «романтизированный» эпизод его встречи с амазонками. Так, историки Квинт Курций Руф и Диодор Сицилийский приводят эпизод, когда царица амазонок Фалестрис является к Александру с целью зачать

от него ребенка, и царь с удовольствием выполняет ее пожелание [1, с. 320–321; 5, 122–124]. То есть у историков амазонки описаны не только как воинственные, но и весьма привлекательные женщины, и встреча Александра с их царицей имеет эротический характер. В дальнейшем предание о Фалестрис и Александре все более романтизировалось. Так, у Рудольфа Эмского, которого поведствователь у Кузмина называет одним из своих предшественников [4, с. 169], царица амазонок Талистрия становится прекрасной дамой Александра, и он рыцарски ей служит [2, с. 39].

С большой вероятностью галломан Кузмин был также знаком с обработкой этой истории французским поэтом С.Ш. Леконтом в цикле «Свадьба амазонки» («Les noces de l'Amazone», перв. публ. 1901 [7]), где речь идет о так наз. небесном (сакральном) браке Александра и Фалестрис; А. Блок в 1906 г. опубликовал рецензию на книгу стихов Леконта «Кровь Медузы», вышедшую первым изданием в 1905 г. и вторым в 1906 г. [8] и содержащую, в частности, этот цикл, на который поэт обращает особое внимание. Но все это чрезвычайно далеко от версии Кузмина в «Подвигах Великого Александра». В целом, описывая встречу с амазонками и ее результат по Псевдо-Каллисфену (т.е. сводя ее к желанию царя познакомиться с обычаями амазонок и получить от них воинский отряд, что и происходит), он далеко отходит от своего источника в их характеристике, выводя амазонок крайне непривлекательными.

Кроме того, Кузмин всячески снижает героический, воинственный аспект образа амазонок – в частности, описывая их пастушеские занятия (не упомянутые в других источниках, где их быт представлен как быт военного лагеря). Если у других авторов рядом с амазонками упоминаются кони как важнейшие для них животные, то у Кузмина их замещают связанные не с военным, а с мирным и бедным бытом овцы и козы. Если у Псевдо-Каллисфена большая часть рассказа амазонок посвящена описанию их военных обычаев, причем речь идет о «ратоборстве за <...> славу», то у Кузмина, напротив, этот аспект их жизни описан минимально, зато большую часть рассказа амазонок занимают их репродуктивные обычаи. Наконец, амазонки у Псевдо-Каллисфена

ведут за собой в бою мужчин, т.е. иерархически стоят выше них, а не являются мужененавистницами, в принципе исключившими мужчин из своего общества (социальный порядок в государстве амазонок предстает инвертированным по отношению к патриархатной культуре, а не «урезанным»), что Кузминым отмечается.

Стоит обратить внимание и на то, какое место занимает параграф, посвященный встрече Александра с амазонками, в составе целого. Как и у Псевдо-Каллисфена, он следует за эпизодом с царицей Кандакией, но, в отличие от текста-источника, после него идет эпизод с Горгоной, у Псевдо-Каллисфена вообще отсутствующий, однако имеющий место в Александрии русских хронографов, с которой Кузмин был знаком. Примечательно, что интересующий нас эпизод оказывается между двумя историями женских домогательств к герою. Таким образом, Кузмин, не пересказывая эпизод с Фалестрис по Курцию и Диодору, самим размещением истории амазонок между эпизодами женских домогательств к Александру, т.е. посредством контекстуализации, имплицитно воссоздает ее эротический подтекст. Но, напомним, амазонки изображены у него крайне непривлекательно, да и две другие истории соблазнения характеризуются неудачей эротической инициативы женщин (или, точнее, существ женского пола, ибо Горгона не вполне антропоморфна) и крайним отвращением, проявленным Александром. Это отвращение так велико, что в первом случае царь даже прибегает к угрозе оружием, а во втором – непосредственно к убийству. В романе присутствует и третья типологически родственная история – с супругой Александра Роксаной, которая, вопреки всем текстам-источникам, «пребывала даевой к большой своей досаде».

Таким образом, женщины и «женскость», или фемининность, представлены в романе с эссенциалистских (поскольку женщины и категория фемининности уравниваются: амазонки по крупному счету мало чем отличаются у Кузмина от других женщин) и, говоря прямо, мизогинных позиций. Это, однако, не означает, что Александр у Кузмина не знает любовного чувства: следуя за источниками (прежде всего, историческими), но очень сильно

заостряя их, Кузмин делает своего героя адептом мужской любви. Более того, он наделяет его исключительным и совершенным чувством к его «другу» Гефестиону.

Сюжет романа является сюжетом мистериальным, в рамках которого герой совершает путь к познанию тайн бытия, бессмертию и совершенной любви. В этой гомоэротической мистерии, в рамках которой женщинам, в том числе амазонкам, опрокидывающим стереотипы фемининности, места нет. Более того, тип «девицы-мужа» раздражает Кузмина в двойной степени по сравнению с типом женщины «нормативной» – как «подделка» под мужчину. Таким образом, историческая память оказывается подчинена в романе весьма специфическому отношению Кузмина к женщинам.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Список источников и литературы

1. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга XVII // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 276–347.
2. *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М.: Наука, 1972.
3. *Кузмин М.* Дневник 1908–1915 / Предисловие, подг. текста и комм. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005.
4. *Кузмин М.А.* Стихи и проза. М.: Современник, 1989.
5. *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М.: Издательство МГУ, 1993.
6. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели (продолжение) // Вестник древней истории. 1947. № 3 (21). С. 235–315.
7. *Lecote S.-Ch.* Les Noces de l'Amazone // Mercure de France. 1901. № 137. P. 374–379.
8. *Lecote, S.-Ch.* Le Sang de Méduse. P.: Mercure de France, 1905.